
«Консерватизм – это блистательное интеллектуальное направление»

Я представляю Центр изучения консерватизма, который уже свыше десяти лет активно действует на историческом факультете Воронежского государственного университета. Авторами нашего центра выпущены около двух десятков монографий и научных сборников, рецензии на которые опубликованы в ведущих исторических журналах России и в ряде престижных западных журналов по славистике.

Хочу подчеркнуть, что ни в коем случае нельзя отказываться от термина «консерватизм». Какие бы негативные ассоциации он ни вызывал, тем не менее можно и нужно заявлять прямо противоположное. Консерватизм – это блистательное и интеллектуально мощное направление русской и европейской мысли, представленное знаковыми в истории культуры и общественной мысли именами, начиная с его «отцов-основателей» – Эдмунда Бёрка, Жозефа де Местра, Хуана Доносо Кортеса и гениальных, основоположников русского консерватизма – Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, его продолжателей и апологетов – зрелого А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, М.И. Глинки, Ф.М. Достоевского, Д.И. Менделеева, П.А. Столыпина, В.М. Васнецова, о. Павла Флоренского, И.А. Ильина, А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, А.И. Солженицына и сотен других не менее масштабных фигур из национального русского пантеона.

Консерватизму нечего бояться своей репутации и зависеть от стереотипов массового сознания. В конце концов, все те негативные определения, которые связаны с консерватизмом, – это результат более чем двухвековой работы – «чёрного пиара», или, если хотите, «военной пропаганды» оппонентов и противников консерваторов, как западноевропейских, так и российских. Ими традиционно выступали радикальные либералы и представители социалистического лагеря. Наличие подобной «чёрной легенды» предполагает необходимость терпеливой разъяснительной и просветительской работы, но она даст результаты лишь спустя годы – когда образ консерватизма будет «отмыт» от негативных коннотаций.

Не стоит переживать и из-за того, что значительная часть молодежи невосприимчива к консервативным ценностям. Мне кажется, что в целом молодежь просто в силу возрастных особенностей исходно запрограммирована на поиск принципиально нового, именно поэтому она так легко попадает под воздействие радикальных доктрин, гарантирующих

заманчивую новизну, «драйв» и пр. К консервативным убеждениям, как правило, приходят уже в зрелом возрасте, часто пережив бурное увлечение мировоззренчески прямо противоположными учениями. У молодых людей отсутствует желание жить в тысячелетнем ритме традиции. Они еще не в состоянии принять ее богатство и налагаемые ею аскетические ограничения: моральные, эстетические, интеллектуальные... Чтобы прийти к консервативным ценностям, надо многое пережить, узнать, побывать на краю экзистенциальной бездны, пережить заживо смерть, выработать волю к подлинной любви, свободе и порядку, приобрести жизненный опыт, которого у молодежи не может быть по определению.

Есть четко прослеживаемая закономерность: подавляющее большинство видных идейных консерваторов начинали как левые радикалы или левые либералы. Наиболее яркими примерами в этом смысле выступают бывшие ультралибералы: фюрерист Достоевский и идеолог террористической «Народной воли» Л.А. Тихомиров. В то же время какая-то часть современных молодых людей изначально вполне восприимчива к консервативной системе ценностей: православная молодежь, причем весьма значительный ее сегмент, в гораздо меньшей степени – студенты-гуманитарии. Правда, это явное меньшинство, составляющее в лучшем случае несколько процентов. В обществе, где отсутствует жесткая регламентация поведения традицией, это неизбежно. Убежден, что роль и значимость такой молодежи будет возрастать по мере того, как роль консервативных ценностей будет становиться весомее в этом brave new world. Ибо чем сильнее вызов этим ценностям, тем ярче и убедительнее будет обратная реакция.

С 1917 года заветными понятиями в тезаурусе левой идеологии являлись «справедливость» и «равенство». Идеи «Манифеста коммунистической партии» Маркса или «Государства и революции» Ленина, посвященные созданию общества всеобщего равенства, звучали для многих завораживающе. Для достижения «равенства» и «справедливости» необходимо было ликвидировать частную собственность, порождающую отношения эксплуатации, господства и подчинения, и, соответственно, основные последствия частнособственнических отношений – государство, право, религию, семью. На практике попытка реализации этих идей обернулась страшным насилием над действительностью, миллионами жертв, уничтожением целых классов, насильственной коллективизацией, ГУЛАГом и т.д. Все эти особенности советского периода вытекали из глубинной логики леворадикальной идеологии. В итоге грандиозный левацкий эксперимент завершился саморазрушением советского государства в конце 1980-х – начале 1990-х годов и естественным образом изжил себя.

С 1991 года в нашем государстве и обществе начала безраздельно господствовать либеральная идея, ключевым словом которой является «свобода». Либеральный эксперимент в сравнении с советским, безусловно, расширил сферу экономических, политических и личных свобод. Однако качество этой свободы, не ограниченной моралью и традицией, оказалось чудовищным. Цена, которую государству и обществу пришлось заплатить за нее, оказалась непомерно высока: распад государства – крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, расчлене-

ние русского народа, обнищание огромного числа людей, колоссальное социальное неравенство, возникновение олигархата, нравственная и интеллектуальная деградация, демографический спад и пр.

В силу того что левая и радикал-либеральная идеи оказались на практике скомпрометированными в сознании народа в самых разных социальных слоях, снизу доверху, всё настойчивее стал появляться интерес к консерватизму как альтернативному проекту. Сейчас, как представляется, оформился достаточно мощный запрос части элит и масс на идеологию и систему ценностей, которые обеспечивают стабильность и порядок, без потрясений и революций, и которые в то же время не исключают свободы и прогресса. И при этом опираются на позитивные традиции прошлого. Государство и общество начали неуклонное движение к той мировоззренческой системе, в которой ключевым понятием является «традиция». Именно традиция является системообразующей в мировоззрении, философии и политической идеологии консерватизма.

Немного истории. Первоначально консерватизм появился в конце XVIII века как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса (которая ассоциировалась с уверенностью в постоянном увеличении в мире свободы, знаний, богатства, порядка, нравственности), воплощением которых стала так называемая Великая Французская революция. Он заявил о себе как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих органическую непрерывность развития общества. Одной из важнейших ценностей для консерватизма является культ трансцендентного начала, религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придает смысл истории и отдельной человеческой личности.

Для России главенствующей религией, оказавшей огромное влияние на складывание государственности, культуры и национального самосознания, является Православие. Религиозное мировосприятие предполагает признание необходимости общественной иерархии (в обществе всегда будут «верхи» и «низы», всегда будут отношения господства и подчинения, принуждения и насилия). В силу признания объективного факта естественного неравенства для консерваторов характерен поиск технологий, которые позволяли бы сформировать качественную элиту, сориентированную на решение общенациональных задач, а не на удовлетворение собственных узкоэгоистических интересов или создание утопического общества всеобщего равенства без элиты.

Религиозная составляющая консерватизма обуславливает гносеологический пессимизм, определенное скептическое отношение к Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, крайне осторожное отношение к кабинетным схемам радикального переустройства человеческого общества, а также антропологический пессимизм – понимание ограниченности и несовершенства человеческой природы, ее одержимости силами зла и, соответственно, принципиальной неосуществимости в земных условиях идеального общества. Для европейского континентального консерватизма всегда характерна высокая оценка сильного государства, приоритет его над интересами индивида. С точки зрения большинства консервативных доктрин главенствующее значение имеют интересы целого, а не отдельной личности. Важны

прежде всего надындивидуальные ценности (Бог, государство, нация, церковь, общество, семья и т.д.).

Для консерватизма всегда был характерен культ школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, исполнительности, дисциплины и порядка, права, то есть тех общественных институтов, традиций и явлений, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Сюда же можно добавить и такую черту консерватизма, как понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод.

Консерватизм при этом противостоит идеологиям, в основе которых лежат ценности противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, культ рассудка, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, индивидуализм, равенство, культ личных прав и свобод, приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция. В случае необходимости социальных перемен консерватизм требует при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности. При этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего нового. Они выступают лишь против абсолютизации принципа новизны, заведомого примата нового перед уже проверенным старым, что обычно характерно для радикального либерализма и еще более левых течений.

Необходимо констатировать, что в нашем обществе, которое за XX век пережило сильнейшее «красное смещение» в политическом спектре, традиционные ценности и институты оказались в значительной степени скомпрометированы. Произошла его атомизация. Оказалось разрушено в значительной мере национальное самосознание, подорван авторитет государства и закона, в значительной мере разложена и традиционная семья, с очень сильным сомнением можно говорить о прочности массового патриотизма.

В этих условиях необходимо наметить систему тех первичных шагов, которые сделали бы доминирование консервативных ценностей, их влияние на жизнь общества и государства реальными. Исключительную роль в формировании такой системы ценностей играют в Новое время два института – это, в самом широком смысле, школа и средства массовой информации. Именно они транслируют систему ценностей, которая создает и поддерживает традицию. Но мы видим, в каком катастрофическом положении, к сожалению, пребывают и наша школа, и наши университеты. Система образования разрушается со всех сторон. Ее характерные черты: нищенское финансирование и соответствующие зарплаты, бездарные учебные программы и учебники, необходимость предоставлять гомерическое количество отчетов, справок, графиков, планов, не дающих времени и сил учителям проводить занятия, перегруженность школьников ненужными предметами, невозможность соблюдать элементарную дисциплину, отсутствие возможности ставить объективные оценки – за неудовлетворительные оценки учителей наказывают, система ЕГЭ привела к тотальной коррупции и разрушению образованности как таковой. Всё больше и больше школьников старших классов просто не умеют удовлетворительно читать и писать и в жизни не прочитали

ни одной книги. История России и ее культуры в учебниках, созданных авторами либеральной и лево-интернационалистской ориентации, подается как история некоей многовековой болезни, которую надо лечить радикальными модернизационными средствами по западноевропейским рецептам. Затем подобный контингент поступает в вузы, у которых также возникают системные проблемы, по своей остроте и качеству мало чем отличающиеся от проблем средней школы: резкое ухудшение качества абитуриентов и студенческой массы, нищенское финансирование, унижительно низкие зарплаты профессорско-преподавательского состава, стремительное старение основной массы преподавательского корпуса и много другое. Никакого здорового национального самосознания, вкуса к традиционным ценностям нынешние школа и университет по определению не могут сформировать. В этой сфере нужны серьезные изменения, поворот к действенной модели национального образования и воспитания.

Что касается средств массовой информации, которые должны способствовать проведению адекватной национальной политики, то очень значительная их часть по-прежнему занимает ультралиберальную позицию, сформированную в 1990-х годах. По сей день в них явно доминирует убеждение, согласно которому «термин “русский” нас разъединяет», а «принятие Православия – трагедия для России», зачастую демонстрируются откровенно русофобские умонастроения. В сфере культуры, как массовой, так и «элитарной», мы наблюдаем «апофеоз» пошлости, навязывание образцов, предполагающих пропаганду порнографии, различных форм девиантного поведения, введение ненормативной лексики в культурное пространство, пропаганду различных форм нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. Вряд ли СМИ в том виде, в каком они функционируют сейчас, могут транслировать систему традиционных ценностей, скорее наоборот.

И тем не менее мы видим в последнее время, что государство – а оно является главным субъектом возрождения традиции – всерьез озаботилось деятельностью этих институтов. Исключительную роль здесь призваны сыграть гуманитарные науки – история, литература, русский язык, философия. Можно было бы назвать и ряд других, но я назвал ключевые дисциплины.

Как историку мне ближе всего история. К сожалению, нынешний правящий слой историю как школьную дисциплину и как науку пока в целом игнорировал и игнорирует. Очевидно, догматы экономического материализма, убежденность в том, что определяющими в решении всех значимых проблем выступают социально-экономические факторы, являются по сей день определяющими в сознании значительной части нашего правящего слоя. История и филология воспринимается им как некие артефакты, подлежащие максимальной финансовой и кадровой оптимизации, что на практике приводит к разрушению преподавания и изучения этих дисциплин.

Когда мы говорим об истории, которая должна формировать здоровое, то есть консервативное, национальное сознание, речь идет о науке, которая не пропагандирует социальное разделение и классовую борьбу и в принципе не сосредотачивается почти исключительно

на негативных аспектах русской истории. Нынешняя школьная версия истории назойливо внушает представление о вечно отсталой стране, постоянно балансирующей на грани распада и бунта, и которой постоянно необходима «догоняющая модернизация» по западноевропейским лекалам. Она скучна и непривлекательна, почти полностью деперсонифицирована. Следует избавиться от обилия социально-экономических трактовок и схем в учебниках – они несут очевидную мировоззренческую нагрузку, формируя прежде всего материалистическое и атеистическое сознание, то есть соответствуют прежде всего критериям и запросам леворадикальной и ультралиберальной идеологий. Историческая наука в национально-консервативной интерпретации предполагает создание национального пантеона, системы образов и символов, апеллирующих к патриотическому сознанию каждого человека, – широкую и красочную панораму героев и ключевых событий национальной истории, которые формировали государственность, национальный характер народа, его самобытную культуру, особенности русской цивилизации в целом. Эта система образов и символов должна стимулировать патриотические мотивации, а не подавлять их, способствовать формированию духовно здорового социума.

Подобного рода подход в образовании и воспитании можно реализовать только при поддержке государства, при наличии четкой программы действий. Если говорить об академической науке, то государство, заинтересованное в стабильности, должно поддерживать те направления, которые способствуют внедрению в сознание граждан определенной системы ценностей, в данном случае – системы консервативно-патриотических ценностей. Следовательно, необходима детальная разработка тех историографических направлений, которые в русской исторической мысли были связаны с государственным, державным, патриотическим подходом. Речь идет об обращении к традициям Н.М. Карамзина, С.Ф. Платонова, Д.И. Иловайского, С.С. Ольденбурга, вплоть до Л.Н. Гумилева, А.Н. Боханова и других историков, принадлежащих к консервативной отечественной историографической традиции.

Внедрять государственные, патриотические, консервативные ценности в гуманитарные дисциплины невозможно без реализации ряда четко артикулированных проектов, например, изучения русского или западноевропейского консерватизма. В школьные и в университетские программы должна быть введена такая дисциплина, как история христианства, история христианской церкви. Я апеллирую к опыту университетов дореволюционной России, где в 1869 году на историко-филологических факультетах была введена история церкви. Развертывание ее преподавания и научной деятельности в этой сфере готовило почву для русского религиозного возрождения, которое состоялось, когда большая часть национальной элиты оказалась за пределами страны, в эмиграции.

К сожалению, нынешняя ситуация во многом напоминает ту, которая существовала в Российской империи. Со времени радикально-западнических реформ Петра I российская государственность была отнюдь не консервативной по своей природе. Ее космополитические и западно ориентированные верхи, в том числе династия Романовых, ча-

сто делали всё, для того чтобы ограничить и свести на нет как консервативные политические движения, так и деятельность консервативных идеологов и деятелей культуры. В частности, абсолютное большинство в русской печати второй половины XIX века представляли газеты и журналы леворадикального и либерального направлений. Консервативные издания владели жалкое существование, подвергались диффамации, моральному (и не только!) террору и травле, в том числе на высшем уровне, и, по сути, были маргинализированы. Это сейчас мы изучаем их авторов как великих мыслителей, но в реалиях тогдашней жизни им приходилось крайне тяжело.

Дореволюционная власть апеллировала к русской традиции, русской идентичности лишь тогда, когда имел место цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию империи. Например, русский консерватизм окончательно оформляется как течение общественной мысли в огне войны 1812 года, когда на первый план выдвинулись выдающиеся деятели этого направления. Так, государственный секретарь А.С. Шишков стал официальным идеологом Отечественной войны, а Ф.В. Ростопчин возглавил древнюю столицу – Москву, создав необходимые условия для разгрома наполеоновской армии. Тогда русский консерватизм впервые артикулировал себя, одержал блистательную идейную победу и способствовал грандиозной военной победе над одним из величайших полководцев в мировой истории. Русские консерваторы временно спасли власть в 1905–1907 годах, когда Россия уже погружалась в красную Смуту. Но после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия, при пассивном отношении монарха, расколола русское консервативное движение и сделала всё для его компрометации. В феврале 1917 года государство защищать было уже некому.

С очень большими оговорками можно указать и на частичный консервативный ренессанс, имевший место в СССР к 1934 году, когда сталинское руководство, принимая в расчет события, произошедшие в Германии в 1933 году, частично, в редуцированном, очень ограниченном виде вернуло в публичное культурное поле имена Пушкина, Александра Невского, Дмитрия Донского, адмирала Ушакова. Обращаться к каноническим для марксистов образам Маркса, Энгельса, Ленина, Клары Цеткин или Розы Люксембург в преддверии большой войны было самоубийственно. Наконец, в феврале – декабре 1991 года тогдашние советские консерваторы были блокированы как властью, так и мощными либеральными силами общества.

Исторический опыт показывает, что парадигма верховной власти, которая обращается к консервативно-патриотическим ценностям лишь в моменты смертельной для нее опасности и, напротив, максимально их ограничивает, а то и подавляет в относительно спокойные для нее периоды, глубоко порочна и опасна, более того, в определенных условиях чревата социальной и национальной катастрофой. Неужели, чтобы эти ценности были актуализированы и востребованы, необходима угроза революции или большой войны?

